

МАРИНА ТРИГУК

Белорусский государственный педагогический университет (Минск, Беларусь)

Грамматико-стилистические средства репрезентации образа повествователя в рассказе Т. Толстой «Самая любимая»

В аспекте интерпретации художественного текста, обладающего статусом высшей коммуникативной единицы, особое место занимает проблема выбора единицы анализа. С нашей точки зрения, декодирование художественного текста, проникновение в его смысловую глубину возможно с опорой на стилистический анализ текстовых категорий, в частности на текстовую категорию *«образ повествователя»*. По мнению Т. В. Матвеевой, «каждая текстовая категория воплощает в себе отдельную смысловую линию текста, выраженную группой языковых средств, особым образом организованной в относительную внутритекстовую целостность» (Матвеева 2003: 534).

Категория *«образ повествователя»* имеет стилистические средства выражения на разных уровнях языковой системы. Наименее исследованным является грамматический уровень, т.к. грамматические единицы воспринимаются чаще всего только как необходимый элемент повествования, но не как способ концентрированного выражения смысла. В связи со сказанным целью нашего исследования является выявление *роли личных местоимений* как *грамматико-стилистического средства* репрезентации образа повествователя. Материалом для исследования был выбран рассказ Т. Толстой «Самая любимая» (Толстая 2012).

При восприятии художественного текста читатель прежде всего акцентирует внимание на субъектно-объектных отношениях. Это один из смысловых центров художественного текста, формируемый с позиции условного говорящего – *повествователя*. Функционально-семантическим полем, служащим для выражения различных вариантов отношения к лицу, является функционально-семантическое поле персональности, в качестве ядра которого выступают *личные местоимения*. Также отношение к лицу в русской языковой системе выражается с помощью окончаний глагольных форм. Грамматические значения местоимений и глаголов, взаимодействуя между собой и подчиняя себе остальные элементы повествования, становятся для

читателя основным средством выражения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Согласно А. В. Бондарко, функциональная направленность целостного текста, в частности повествования, «... определяет вероятностные закономерности выбора категориальных характеристик отдельных высказываний, в конечном счете – выбора тех или иных форм наклонения, времени, лица и т. п.» (Бондарко 2001).

Рассказ «Самая любимая» представляет собой повествование от 1-го лица. Для читателя образ повествователя связывается с представлением о субъекте. Центральное место в презентации образа повествователя занимают местоимения 1-го лица. Это стилистически нейтральные средства, грамматическая семантика которых указывает на говорящего. В речи повествователя присутствуют оба местоимения 1-го лица: *я* и *мы*. Местоимение *я* занимает вершинное положение в указании на повествователя, являясь маркером присутствия говорящего в тексте. Само понятие *я* еще в работах В. Гумбольдта связывалось с осознанием личности говорящего (Виноградов 1947: 258). В употреблении местоимения *я* в речи повествователя проявляется его образная природа, которую отмечает В. В. Виноградов: «Всякое «я» художественного произведения – образ. И его функция – двойственна: оно одновременно и имя субъекта, и местоимение, так как является лишь мнимым знаком единства этого субъекта» (Виноградов 1971: 128).

В рассказе «Самая любимая» повествователь выступает и как адресант речи, и как персонаж, что презентуется местоимением *я*. Местоимение *я*, употреблённое в И. п., может указывать в данном рассказе на повествователя как адресанта речи: «В нашем доме Женечка появилась с незапамятных времен, и сквозь тьму младенчества я различаю голубой ее взгляд, склонившийся надо мной в тот день, когда, как водится, собрались добрые феи с дарами и напутствиями новорожденной» (Толстая 2012: 196). Указание на повествователя как на адресанта речи поддерживается глагольными формами настоящего расширенного (различаю). Однако обычно И. п. местоимения *я* указывает на повествователя как на персонажа: «И я тихо выскальзываю из комнаты и пробираюсь на кухню – вот где настоящая жизнь!» (Толстая 2012: 201). И. п. здесь является знаком активности субъекта, его способности к самостоятельным действиям.

Косвенные падежи местоимения *я* малочастотны – дважды используется форма Д. п.. Форма Д. п. местоимения *я* может представлять повествователя-персонажа как адресата действий со стороны других субъектов: «Она положит мне руки на плечи – старые, продрогшие, сухие руки, – и я вдруг почувствую, какая она маленькая и легкая, как легко ночному ветру унести ее в зашумевшие темные дали» (Толстая 2012: 216). Однако форма Д. п. местоимения *я* может сближаться в своём значении с формой И. п., занимающая семантическую позицию экспериенцера: «Пока пирожные не съедены, мне с Женечкой интересно, а потом – увы – скучно» (Толстая 2012: 201).

В результате возникает представление о *повествователе* как о носителе определённого эмоционального и ментального состояния. В целом употреблённые в *речи повествователя* формы *местоимения я* презентуют *повествователя* как самостоятельный образ, наделённый собственной точкой зрения и независимый в её выражении.

Чаше чем *местоимение я в речи повествователя* используется другое *местоимение 1-го лица – мы*. В русской языковой системе *местоимение мы*, обладает семей «инклюзивное я», которая совмещается с семей «другие лица». *Местоимение мы* презентует *повествователя* как члена социальной группы. В тексте отсутствуют прямое указание на лицо, которое входит в объединение вместе с *повествователем*. Однако, исходя из биографии Т. Толстой, наиболее вероятным членом объединения является сестра персонажа. *Образ повествователя* строится с опорой на точку зрения двух персонажей. Частотной является форма И. п. *местоимения мы*, указывающая на активность субъекта: «А **мы** здесь, взаперти, стол покрыт зеленой бумагой, кнопки заржавели за зиму, чернильные пятна отливают казенной лиловой радугой» (Толстая 2012: 194). В приведённых примерах *повествователем* воссоздаётся тот пласт времени, который относится к детству персонажа. Однако и спустя годы *повествователь* как персонаж остаётся членом всё той же социальной группы, обладающей общей точкой зрения и реализующей свою активность одинаковыми действиями: «Время прошло, и **мы** стали взрослыми» (Толстая 2012: 217). В *речи повествователя* *местоимение мы* в большинстве случаев выносится в абсолютное начало предложения, что привлекает внимание читателя к данному субъекту и производимым им действиям. Употребление *местоимения мы в речи повествователя* характеризуется стилистической нейтральностью. Через употребление *местоимения мы* на первый план в образе *повествователя* выводится его роль персонажа. Однако факт выбора данного *местоимения* из двух возможных способов указания на себя как персонажа и *повествователя* указывает на стремление *повествователя* как адресанта сообщения усилить собственную точку зрения в глазах читателя, т.к. разделяемая другим лицом, она предстаёт как логичная и закономерная.

В русской языковой системе указание на лицо также содержится в глагольной форме. Так, определённо-личное предложение с глаголом в форме 1 л. мн. ч. (*местоимение мы*), встречающееся в *речи повествователя*, способствует формированию обобщенного смысла, восприятию ситуации как типичной: «**Будем** вползать на животе в комнату, где томится над тетрадкой очередной пленник, прятаться за Женечкиным креслом, – полотняная сгорбленная спина, чистый мыльный запах, ивовый скрип, – **будем**, пользуясь Женечкиной глухотой, подсказывать хихикающей жертве неправильные или неприличные, дурацкие слова или же подсовывать записочки с призывами к восстанию против поработителей, пока Женечка не заметит неладное и, всполошившись, не прогонит лазутчика» (Толстая 2012: 193).

В речи повествователя активно используются формы косвенных падежей местоимения *мы*, способствующие восприятию читателем всей полноты субъектных отношений. Так, с помощью формы Р. п. *повествователь* как персонаж может изображаться как объект, находящийся под высокой степенью чужого влияния: «Что ж, значит, опять занятия, упражнения и диктовки, опять Женечка, сидя в скрипучем плетеном кресле, положив больную ногу на посох, начнет размеренным голосом, не торопясь, выращивать **из нас** образованных людей, а мы снова, с беспечностью детства, начнём куражиться над ней» (Толстая 2012: 217). В употреблении конструкции из + мест. в Р. п. возникает значение материала, тем самым персонаж сближается с неодошевлённым объектом и усиливается впечатление о его несамостоятельном статусе в рамках описываемой ситуации.

Форма Д. п. *местоимения мы* уточняет, что *повествователь как персонаж* может выступать в роли адресата чужих действий: «А та любовь, что смотрела **нам** вслед, прижавшись к стеклу, была слишком простой и будничной» (Толстая 2012: 212).

В речи повествователя также употребляются формы В. п. *местоимения мы*. В русской языковой системе за грамматическим значением В. п. закреплено указание на прямой объект действия. Как отмечает Р. О. Якобсон (Якобсон 1985: 140), объект переходных глаголов охвачен действием «в полном объёме»: «Женечка ловила **нас** на крыльце и в саду, возбужденно совала уже тысячу раз виденные фотографии...» (Толстая 2012: 220). В данном случае *повествователь* как персонаж изображается как зависимый субъект, находящийся в сфере чужого влияния и претерпевающий его в полной мере.

При употреблении Т. п. *местоимения мы* выражается значение совместности, оформляя действия третьих лиц в отношении к повествователю-персонажу: «И она страстно ждала нового лета, ждала встречи со старой дачей, с новыми цветами и **с нами**, ненаглядными» (Толстая 2012: 212). Рассмотренные примеры косвенных форм изображают *повествователя* как персонажа во время его детства. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что *повествователь* как персонаж изображается в позиции подчинённого субъекта.

В презентации *повествователя* как категории художественного текста играют роль и другие *личные местоимения*. *Личные местоимения 2-го и 3-го лица* указывают на субъект, выражая *точку зрения повествователя*. По мысли С. Н. Булгакова, «я есть та точка, из которой говорящий смотрит и выражает в слове весь мир» (Булгаков 1997: 65). Как отмечает А. В. Бондарко, «то или иное отношение к лицу устанавливается с точки зрения говорящего и ориентируется прежде всего на говорящее лицо как центральную фигуру речевого акта. Этим определяется сущность персональности как актуализационной категории дейктического типа» (Бондарко 1990: 6). М. А. Шелякин включает в число компонентов речевого акта, на которые указывают местоимения с точки зрения позиции говорящего, «говоряще-

го, слушающего (адресата высказывания), место и время акта речи, а также находящиеся или отсутствующие в речевом пространстве предметы, выделяемые по отношению к компонентам речевого акта» (Шелякин 2003: 440). Выполняя дейктическую функцию от лица повествователя, личные местоимения 2-го и 3-го лица становятся важным грамматическим средством оформления повествования, иллюстрируя точку зрения повествователя как адресанта сообщения.

Для русского повествования в целом не характерно употребление местоимений 2-го лица вне диалогов, а значит и в речи повествователя. Однако указание на 2-е лицо ед. ч. содержится в глагольных формах определённо-личных предложений: «**Зачерпнешь** глубокой холодной тишины, замеревшей глади, **посидишь** на поваленном дереве» (Толстая 2012: 191). Данная глагольная форма приписывает действия повествователя, т. е. 1-го лица, 2-му лицу и выступает как стилистически маркированная. Возникающая в результате обобщённо-личная форма предложения способствует установлению особых отношений между повествователем и читателем. Создаются условия для того, чтобы читатель ощутил себя на месте повествователя-персонажа и проникся выражаемой им точкой зрения.

В речи повествователя местоимения 3-го лица служат для указания на субъектов, непосредственно не включённых в процесс коммуникации, но находящихся в поле зрения повествователя. Данные местоимения занимают особое место в речи повествователя, т.к. противопоставлены по неучастию в акте речи семантике местоимений 1-го и 2-го лица. В речи повествователя местоимения 3-го лица употребляются в анафорической функции, замещая существительные, называющие субъектов, о которых идёт речь. Местоимения 3-го лица репрезентуют выбор повествователем определённых субъектов как предмета повествования, причём частотность их употребления в отношении определённого субъекта становится знаком важности данного образа для повествователя.

В рассказе «Самая любимая» среди местоимений 3-го лица наиболее частотно местоимение *она* и его формы, указывающие на субъекта, которому в целом и посвящена речь повествователя – Женечку. Женечка – это одинокая учительница русского языка, которая воспринимала повествователя и её сестру как близких ей людей. В речи повествователя частотны форма И. п. местоимения *она*, представляющие Женечку как носителя активного действия: «Кажется, будто и сейчас **она** идёт прихрамывая по садовой дорожке, подняв, как факел, первый букет укропа» (Толстая 2012: 190).

Для детализации образа Женечки повествователем используются формы косвенных падежей местоимения *она*. Р. п. выражает указание на принадлежность (универсальное значение Р. п.) определённых характеристик субъекту, стоящему в данной грамматической форме: «Не в этом, конечно, дело – и безногие упиваются семейным счастьем, дело в душе, а душа у **нее** была – проще некуда» (Толстая 2012: 197). Т.е. употребление в речи повест-

вователя формы Р. п. местоимения *она* функционирует как способ характеристики описываемого субъекта.

Форма Д. п. многофункциональна в речи повествователя. Так, с помощью Д. п. *повествователем* создается впечатление о Женечке как о субъекте-носителе определённого эмоционального или модального состояния: «В любое время года она открывала форточку на ночь и норовила встать на заре – не оттого, что **ей** нравились сизые промозглые рассветы, а потому, что с утра она могла принести больше пользы» (Толстая 2012: 197). Кроме того, формы Д. п. подчёркивают независимость возникновения состояния героини от её воли. Также формы Д. п. представляют Женечку как адресата определённых действий или реципиента: «Только ее любимые розы не давали **ей**, как она ни билась» (Толстая 2012: 213).

В речи повествователя о героине особенно частотны формы В. п., представляющие её в роли объекта чужих действий: «И новая любовь, которой никогда не поздно прийти, шумела, бушевала и захлестывала ее с головой» (Толстая 2012: 222). Формы В. п. представляют субъекта как пациента, т.е. служат в речи повествователя для указания на тот факт, что героиня претерпевает воздействие со стороны других лиц. С учётом употребления *местоимений*, описывающих героиню и как активного производителя различных действий, и как пассивного, в речи повествователя оформляется оппозиция: активный / пассивный участник действия, необходимая для всестороннего восприятия и оценки описываемых читателем Женечки как образа. Используемые повествователем падежные формы местоимения 3-го лица *она* и выражаемые ими смыслы служат средством обозначения точки зрения повествователя на героиню и донесения его до читателя.

Таким образом, в рассказе Т. Толстой личные местоимения являются одним из доминантных грамматических средств выражения образа повествователя. Употребление *местоимений 1-го и 3-го лица в речи повествователя* характеризуется стилистической нейтральностью. *Местоимения 1-го лица* презентуют образ повествователя в единстве двух ролей: адресанта сообщения и персонажа. Отсылка к повествователю как адресанту сообщения достигается за счёт *местоимений 1-го лица* ед. ч. и глагольных форм настоящего расширенного. Повествователь как адресант сообщения проявляется в частотности при употреблении *местоимения мы*, указывающего на него как на члена социальной группы, что усиливает экспрессивность выражаемой им точки зрения. Большая конкретизация в речи повествователя определяет его роль как персонажа, который формами 1-го л. ед. и мн. ч. *местоимений я* и *мы* изображается как член социальной группы, носитель активного действия и собственной позиции, адресат чужих действий, носитель определённого эмоционального состояния, возникшего независимо от него, участник совместного действия. *Повествователь*, используя грамматические значения косвенных падежей, привлекает внимание читателя к выделяемым им смысловым аспектам. *Местоимения 3-го лица* выражают точку зрения по-

вестователя о субъектах, попадающих в сферу его внимания. И. п. местоимения она выступает как средство указания на активные действия субъекта, которые привлекли внимание повествователя, в то время как косвенные падежи служат конкретизации персонажа как члена субъектных отношений, складывающихся в повествовании. Указание на 2-е лицо глагольной формой в рамках определённо-личного предложения является стилистическим приёмом, позволяющим вовлечь читателя в сферу описываемой ситуации. В целом образ повествователя как адресанта сообщения в 1-ом повествовании реализуется на уровне стилистики и является в значительной мере скрытым от читателя. Такая коммуникативная стратегия автора увеличивает эмоциональность и экспрессивность воздействия художественного текста.

Библиография

- Бондарко А. В. (1990), *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*, Ленинград.
- Бондарко А. В. (2001), *Лингвистика текста в системе функциональной грамматики*, <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm>.
- Булгаков С. Н. (1997), *Философия имени*, Москва.
- Виноградов В. В. (1947), *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва.
- Виноградов В. В. (1971), *О теории художественной речи*, Москва.
- Матвеева Т. В. (2003), *Текстовая категория*, [в:] ред. М. Н. Кожина, *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва, с. 533–536.
- Толстая Т. Н. (2012), *Ночь: рассказы*, Москва, с. 189–225.
- Шелякин М.А. (2003), *Местоимение*, [в:] ред. Л. А. Новиков, *Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис*, Санкт-Петербург.
- Якобсон Р. О. (1985), *Избранные работы*, Москва.

Maryna Tryhuk

Grammatical and stylistic means of representation the image of the narrator in the story «The Most Beloved Lady» by T. Tolstaya

Summary

The article deals with the stylistic representation of the «art image of the narrator» created by personal pronouns on the grammatical level in the story titled «The Most Beloved Lady» by T. Tolstaya. The potential of the personal pronouns viewed through the theoretical field is being explored.

Stylistically marked use of personal pronouns as the identifying factor of the «image of the narrator» is pointed out.